

К 1 апреля - Дню смеха

Подготовила Россинская Светлана Владимировна,

заведующая библиотекой "Фолиант" МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»

Persona Nota: Ильф и Петров - писатели нашего детства

К писателю «Ильфпетрову» читательский успех пришел сразу. Он и до сих пор не убывает.

В 2010 году исполняется 113 лет со дня рождения **Ильи Ильфа** (1897 - 1937) (настоящее имя - Илья Арнольдович Файзильберг) и 107 лет со дня рождения **Евгения Петрова** (1903 - 1942) (настоящее имя - Евгений Петрович Катаев). А т.к. этим писателям-сатирикам работать врозь было трудно, и свои романы, рассказы, фельетоны и очерки они писали совместно, то, стало быть, на двоих им в этом году исполняется - **220 лет** со дня рождения.

Что читателям библиотеки «Фолиант» и членам ее литературного клуба «Прикосновение» может помешать отметить эту круглую дату? Попробуем и мы с вами в нашей традиционной рубрике «Persona Nota (Интересная личность)» прикоснуться к биографии этих интересных писателей.

Итак...

Москва 1937 года

Одесситы Илья Ильф и Евгений Петров в Москве жили рядом, в писательской надстройке в Нащокинском переулке: тонкие стены, маленькие квартирки, низкие потолки. Несколько лет назад двухкомнатные квартиры казались княжескими хоромами, а теперь в них было тесновато.

Дом в Лаврушинском переулке был вторым кооперативом, который писатели построили в Москве. У Ильфа до него было пять московских квартир. У Петрова путь до трехкомнатной квартиры, недостижимой мечты измученных коммунальным бытом москвичей, занял 10 лет.

Писатели ездили за границу, их печатала «Правда»: все в самом деле было замечательно... А уж получить жилье в Лаврушинском мечтала вся литературная Москва: попасть в кооператив было трудно, за каждую лишнюю комнату шла борьба. Но и теперь, когда новенький дом, пахнувший свежей краской, готовили к сдаче, были возможны сюрпризы: прецеденты имелись. В их квартиру мог воровским образом вселиться кто-то из обойденных - и началась бы долгая, муторная канитель с милицией, прокуратурой и судами.

Обе семьи пили чай на кухне Петровых и совещались, когда раздался звонок в дверь. На пороге стоял брат Петрова, Валентин Катаев, а внизу, у подъезда - огромный, как погребальные дроги, взятый напрокат открытый «Линкольн».

Старший брат обладал незаурядной наблюдательностью и большой практической сметкой. Он тоже построил квартиру в писательском кооперативе и знал, как защититься от неожиданностей.

«Пить чай я не буду! Хватит и с вас. Собирайтесь!» - скомандовал он. - Берем какую-нибудь мебель - да хоть табуретку - и документы на квартиры, хлеб и колбасу кладите в сумки. Дом заселяется завтра, но надо подстраховаться. Внизу стоит машина, грузите в нее вещи: сегодня мы захватим наши квартиры».

Шофер нажал на клаксон, Ильф вздрогнул, обернулся, по спине бежал тревожный холодок: он то и дело покашливал - скорее всего, это было нервное. Одна глава жизни заканчивалась, начиналась другая, и его знобило от тревожного ожидания: какой она будет? Что там, за углом?

Братья Катаевы смеялись и болтали. А он отмалчивался, не в силах понять, что с ним происходит. Валентин Катаев сидел на штурманском месте, рядом с шофером, и чувствовал себя королем. «Линкольн» затормозил у подъезда новостройки, и новоселы тут же выбросили из головы все, что не имело отношения к их делу: надо вселяться и держать оборону.

Дом еще не был сдан в эксплуатацию, к ним подбежал случайно оказавшийся рядом прораб. Они помахали перед его носом красными удостоверениями Союза писателей и тисненными золотом корочками. Прораб открыл было рот, чтобы пригрозить милицией, но увидев, что перед ним люди непростые, опешил и даже помог донести до лифта матрасы и табуретки. Бастион был взят без боя:

Ильф начал обживать свою квартиру, Петров поднялся к себе.

Они были очень разными людьми, бурная фантазия Ильфа прекрасно дополняла железную методичность Петрова, но одно у них было общим - и тот, и другой чувствовали себя совершенно счастливыми: через несколько дней в новый дом должны были переехать женщины, которых они любили.

Утром Петров спустился к Ильфу, тот ему сказал, что дом в Лаврушинском замечательный, больше он никуда переезжать не собирается, отсюда его вынесут только вперед ногами. Петров расхохотался: ему и в голову не пришло, что фраза окажется пророческой.

Ильф - библиотечарь - самоучка и романтик

Илья Ильф, первая половина еще не существовавшего тогда писателя «ИльфПетров», в 20-е годы работал библиотечарем и жил прямо в редакции железнодорожной газеты «Гудок», в углу, за ротационной машиной. Он писал странные, казалось, нелепые тексты, которые никто не хотел печатать, и отличался невероятной начитанностью, острым умом и злым языком.

Поначалу Ильф спал прямо на полу в редакционном закутке. Потом появился свой угол - выгороженный фанерой квадрат в общежитии «Гудка» с половиной окна: вторая половина досталась соседям. Всего было около 20-ти таких пеналов, и если в одном из них кто-нибудь чихнул, слышали в остальных 19-ти. Там у него уже появилась обстановка: купленный на толкучке матрас, столик на витых ножках и этажерка.

Затем ему дали настоящую комнату - она располагалась в покосившемся флигельке Сретенского переулка. На первом этаже работала коптильня, за стеной жил механик-самоучка: по вечерам он с громом и лязгом из собранных на помойках деталей мастерил мотоциклетку.

За другой стеной обитало огромное дружелюбное татарское семейство - он жил с ними душа в душу, но однажды татары поселили в своей комнате лошадь. Соседи собирались как следует откормить животное, а потом во время своего национального праздника съесть. Упирившуюся кобылу затащили на второй этаж и каждый день носили ей сено.

Глава домового комитета, элегантный и благовоспитанный господин, известный композитор, пытался убедить татар, что лошадей в квартирах держать нельзя, но те с ним не соглашались. Лошадь ржала и била копытами, стены дрожали, ходило хоуном великое приобретение Ильфа - занавески в крупный красный горошек. Но это уже было жильё, сюда можно было позвать жену.

Маруся Тарасенко: «...Комнату моей жизни я оклеил мыслями о ней...».

Великая любовь Ильи Ильфа началась в 1921 году в Одессе, когда он, недавний выпускник ремесленной школы, успевший поработать и монтером, и токарем, и на гранитной фабрике, и на заводе, выпускающем аэропланы, ходил с одного литературного вечера на другой, стуча по мостовой деревянными сандалиями, и отчаянно хотел есть.

Еще недавно он дичился женщин, но летом в доме отдыха, где ему довелось поработать, было множество томящихся от одиночества, жаждущих близости дам - толстых, горластых и беспардонных. Они научили его немудреной любовной науке, и он отнесся к этому с веселым цинизмом.

Два старших брата Ильфа стали художниками, один из них ушел с белыми. Им посчастливилось окончить гимназии. Младшего же отец собирался пустить по ремесленной части, но руками Ильфа работал недолго. Во время гражданской воевал в караульном «стеклянном» батальоне, собранном советской властью из белобилетников и где почти каждый щеголял в пенсне или очках. Потом служил бухгалтером. А еще он писал стихи, которые никто не хотел понимать, а уж тем более печатать:

«...Комнату моей жизни я оклеил мыслями о ней...».

И запоем читал. Проглатывалось все: Толстой и описание Ютландской битвы, книга армейских телеграфных кодов, железнодорожный справочник и стихи Верлена. И все шло в дело, давало пищу уму: никогда не ходивший в гимназию самоучка стал одним из самых эрудированных людей в городе.

Обноски сидели на нем с неподражаемой элегантностью, грошовая кепка казалась стильной, его украшало даже пенсне без оправы, оседлавшее похожий на картошку нос. Псевдоним «Ильф» еще не появился. Молодого человека звали *Иехиель-Лейб Файнзильберг*, и он уже пользовался репутацией умницы и остролова, человека надменного, замкнутого и себе на уме.

Мало кто знал, что кладезь разнообразных и ненужных знаний страшно застенчив, да к тому же и нездоров. Когда друзья купались в море, он оставался на берегу, а если над ним начинали подшучивать, отбривал остряков так, что те тушевались и умолкали. Нервный, неуверенный, чурающийся женщин, он ждал прекрасную даму и, в конце концов, увидел ее в 17-летней дочке владельца пекарни, бывшей гимназистке, занимавшейся в художественной студии, где преподавал его брат.

Маруся Тарасенко была не уверена, что любит Илью: ей нравился художник Соколик, но больше всего она любила Чина, своего песика. Маруся была нежным и чувствительным созданием, то, что она видела в послереволюционной действительности, представлялось ей ужасным. В новом мире, казалось,

не было места добру и красоте: люди ужасно одевались, говорили страшные вещи, Чин погиб, заразившись стригущим лишаем от человека, приставшего к ней в трамвае.

Придать смысл такой жизни могла только любовь, которой она пока не знала, - и Маруся Тарасенко по уши влюбилась в Иехиеля Файнзильберга, еще не ставшего Ильей Ильфом. Придуманное чувство со временем окрепло, выдержало испытание разлукой и жизнью в коммуналке, где за стеной была копытами лошадь. Такие вещи не пугали Марусю, соседи были милыми людьми, а их дочери за малую мзду соглашались позировать обнаженными - пусть ржание мешало спать, зато теперь у нее не было проблем с натурщицами.

Она легко мирилась с бедностью, с тем, что у ее мужа и жившего в той же квартире писателя Олеси на двоих одна пара парадных штанов, ни одному из мужчин не подходившая по размеру. Это были совсем негодные штаны: однажды они валялись в углу, и Мария Ильф вместе с Ольгой, женой Олеси, приняв их за тряпку, вымыли штанами пол. Мужья лишились выходного гардероба, но ни тот, ни другой не приняли это близко к сердцу. Что такое штаны по сравнению с любовью?

Илья с Марусей вместе уже много лет и между ними ничего не изменилось. Врозь они жили почти семь лет, и чуть ли не каждый день переписывались: тому глубокому чувству, что зародилось в голодной и холодной опустевшей Одессе, оказалась не страшна разлука. В 1936 году Маруся родила ему девочку.

За то, чтобы и дальше оставаться с ней вместе, Ильф отдал бы все: успех, здоровье, жизнь... Главное - Маруся, остальное значения не имело.

Петров: из угрозыска - в журналистику

Валентин Катаев был старше своего брата Евгения Петрова на шесть лет, но они так походили друг на друга, что невеста младшего брата, чувствительная и рассеянная Валентина Грюнзайд, однажды бросилась ему на шею. Такие же высокие скулы и смуглая кожа, те же раскосые разбойничьи глаза - но у Катаева они смотрели остро, с прищуром, а у Петрова были добрыми.

Старший брат начал публиковаться с тринадцати лет и таскал младшего по редакциям - один он идти боялся. Евгений хныкал, но шел - привык слушаться старшего брата. Их отец, учитель истории, относился к этому с иронией.

Потом началась война, затем революция, отец умер, прежней жизни пришел конец. Старший стал офицером, воевал, ладил с советской властью, а когда город взяли белые, пошел служить на их бронепоезд. В начале двадцатых он очутился в Москве, его литературная карьера шла успешно, а о том, что в 1919 году носил трехцветную деникинскую кокарду, Валентин Катаев не вспоминал - этой страницы в его биографии словно и не было.

Судьба Евгения Катаева складывалась иначе...

Он окончил гимназию, поработал корреспондентом информ-агентства, а потом пошел служить в уездный уголовный розыск. Надел френч, прицепил к поясу огромный «кольт» и две бомбы-лимонки и начал распутывать уличные убийства, налеты на госконторы и кражи крестьянских гусей. Когда он увидел первый труп, его чуть не вырвало, но затем ему досталось дело, где было семнадцать убитых, и реакция притупилась.

В те годы в каждом деревенском доме имелась целая коллекция револьверов и обрезов, людей убивали ни за грош, и Евгений Катаев дальше, чем на три дня, вперед и не заглядывал. Он считал себя смертником и не грустил: рано или поздно на том свете окажутся все, а оперативная работа ему нравилась.

Но старшего брата такая перспектива не устраивала. Правдами и неправдами он вызвал его в Москву, поселил в своей комнате, чуть ли не силой заставил заняться журналистикой. Младший приехал в столицу с блестящими рекомендациями из Одесского уголовного розыска и устроился надзирателем в Бутырскую тюрьму, писать и печататься он не собирался.

Старший пустил в ход запрещенный прием. Слова: *«Ты еще долго намерен сидеть у меня на шее со своей нищенской зарплатой?»* оказались магическими. Младший закусил губу и написал фельетон, отдав его брату с комментарием: *«На, подавись!»*

После публикации он получил тридцать советских червонцев. Это было больше месячной бутырской зарплаты, и Евгений Катаев сумел сделать верные выводы: он сдал револьвер, прилично оделся, модно подстригся и начал штурмовать московские редакции. Фамилию сменил на Петрова - читатели не должны путаться в Катаевых.

Писательская карьера молодого человека шла в гору, он стал сотрудником журнала «Красный перец», потом поступил на службу в профотдел железнодорожной газеты «Гудок».

Валентина Грюнзайд - лучшая на свете жена

Евгений Петров в отличие от своего соавтора Ильи Ильфа, в любви воздушных замков не строил. Однажды он ненароком вломился в такой вот замок и вышел оттуда с прекрасной девушкой, оставив за собой руины, - его несчастливый соперник долго не мог залечить сердечную рану.

Это был писатель Юрий Олеша, коллега Ильфа и Петрова по «Гудку», человек одаренный и нервный, обладатель богатого воображения и нежного сердца. В Мыльниковом переулке, в доме напротив катаевского жилья, у окна часто сидела хорошенькая девочка. Рядом с ней на подоконнике красовалась огромная кукла. Олеша познакомился с девочкой, и она оказалась так мила, что писатель сразу в нее влюбился: друзьям он говорил, что растит себе жену.

Девочку звали Валентина Грюнзайд, она росла в хорошей московской семье, ее отец до революции поставлял императорскому двору чай. Олеша пообещал ей написать сказку, которая ее прославит. Пообещал, что там будет присутствовать и кукла. Вскоре на его письменном столе лежали «Три толстяка»

Писатель 4 года ходил со своей рукописью по редакциям, но ее никто не хотел брать: время не благоволило к красивым сказкам, редакторам московских издательств сочинение Олеша казалось ненужным и странным.

Девочка тем временем превратилась в девушку, и однажды, на свою беду, Олеша познакомил ее с рослым красавцем Петровым. Тот начал ухаживать на иной лад: водил мечту Олеша в рестораны и катал на «лихачах». Вскоре они поженились.

Юрий Олеша был безутешен. Он связал жизнь с другой женщиной, а героиня «Трех толстяков» получила ее имя - Суок. Ольга Суок была хорошей женой, но посвящение Валентине Грюнзайд осталось на титульном листе романа: память об отвергнутой любви не умерла.

Евгений Петров в отличие от Олеша умел быть счастливым: жена родила ему прекрасного сына, а он баловал ее, засыпал подарками и был готов носить на руках.

Поначалу они ютились в коммуналке в Кропоткинском переулке. И чувствительная, слегка не от мира сего Валентина была излюбленной жертвой соседней по квартире. Она стала одним из прототипов Васисуалия Лоханкина: жильцы ополчались на Валечку из-за того, что вечно забывала гасить свет в туалете и в ванной. В конце концов ее муж решил оплачивать счета всей «вороньей слободки», но и это не помогло. Он платил, а ее поедом ели - не из-за денег, а удовольствия ради.

Коммунальные страдания Валентины Петровой продолжались недолго, все изменили «12 стульев». Появился первый кооператив, потом второй, а теперь они собирались жить в 3-хкомнатном дворце.

Петров считал, что у него лучшие на свете жена и сын, ему посчастливилось родиться в прекрасное время и в прекрасной стране...

Знакомьтесь, товарищи, Бендер!

То, что Ильф и Петров, эти ни в чем не похожие люди, дополняют друг друга, видел только Валентин Катаев. Десять лет назад он, печатавшийся в «Гудке» под псевдонимом «Старик Соббакин», вошел в их редакционную комнату со словами: *«Я хочу стать советским Дюма-отцом».*

Ильф поднял брови: *«Почему же это, Валюн, вы вдруг захотели стать Дюма-пером?»*

В ответ они слышали, что давно пора открыть мастерскую советского романа: Катаев будет Дюма-отцом, а они с Петровым - неграми. Он будет давать темы, они - писать романы, а Катаев станет их править рукой мастера. Есть и тема - стулья. В одном из них спрятаны деньги. Их надо найти. Один роман пусть пишет Ильф, другой Женя...

В тот день Валентин Катаев за десять минут написал фельетон о козленке, которого начальник пути вез в вагоне второго класса, и убежал по своим делам, а потенциальные соавторы начали обдумывать его предложение. Катаевская идея пришлась им по душе, вот только писать решили по-своему: не два отдельных романа, а один, вместе продумывая каждое слово.

Ильф и Петров работали по вечерам в «Гудке», роман писали на оборотной стороне газетных оттисков. Катаев уехал отдыхать в Крым, и соавторы забрасывали его телеграммами с просьбами о помощи, но он не отвечал. Роман рос, складывался и становился не таким, каким авторы его видели

поначалу. Второстепенный персонаж, проходимец Бендер, оказался главным героем и норовил пролезть в каждую главу.

Теперь они и сами не понимали, кто был его прототипом. Может, колбасник Бендер, живший по соседству с домом, где обитало многочисленное семейство отца Ильфа, банковского служащего Арьи Беньяминовича Файнзильберга?

Или известный одесский авантюрист, колоритный околотитературный персонаж Митя Ширмахер. В начале 20-х годов Митя захватывал квартиры, брошенные подавшимися в эмиграцию хозяевами, и селил в них литераторов. Он щеголял в сшитом из желтых буржуйских занавесок шелковом френче и ортопедическом ботинке. Под литературные вечера Митя Ширмахер выбил у советской власти целый дом.

Может, писателям помогла и Луиза Мартыновна Бендер, учительница Маринской женской гимназии?... Впрочем, это уже не имело значения: Остап Бендер зажил своей жизнью.

Книгу предваряет вступительная статья - «От автора», в которой Ильф и Петров дают необходимые разъяснения:

«Обычно по поводу нашего общего литературного хозяйства к нам обращаются с вопросами вполне законными, но весьма однообразными: «Как это вы пишете вдвоем?»

Сначала мы отвечали подробно, вдаваясь в детали. Рассказывали даже о крупной ссоре, возникшей по следующему поводу: убить ли героя «12 стульев» Остапа Бендера или оставить в живых? Не забывали упомянуть о том, что участь героя решилась жребием. В сахарницу были положены две бумажки, на одной из которых дрожащей рукой был изображен череп и две куриные косточки. Вынул череп - и через полчаса великого комбинатора не стало. Он был прирезан бритвой.

Потом мы стали отвечать менее подробно. О ссоре уже не рассказывали. Еще потом перестали вдаваться в детали. И, наконец, отвечали совсем уж без воодушевления: «Как мы пишем вдвоем? Да так и пишем вдвоем. Как братья Гонкуры. Эдмонд бегает по редакциям, а Жюль стережет рукопись, чтобы не украли знакомые».

После того, как роман был опубликован, Катаев определил в великие комбинаторы собственного брата: *«Знакомьтесь, товарищи, Бендер»*. Тот вяло отбивался: *«Петров моя фамилия...»*

О Дюма-отце и литературных неграх речь больше не шла - Катаев прочел рукопись и отпустил авторов в свободное плавание, выговорив посвящение и золотой портсигар. Издательский договор переписали на двоих, на первой странице книги появилось посвящение, а вот на подарке Ильф и Петров сэкономили.

«Дареный конь» оказался золотым, однако совсем маленьким, дамским. Но Катаев и не говорил, что портсигар должен быть мужским. Ильф ехидно улыбнулся, младший брат сказал: *«Лопай, что дают!»* - и они отправились в ресторан, чтобы обмыть подарок.

«Двенадцать стульев» много раз переиздавались, потом появился и «Золотой теленок», и множество фельетонов, всюду шла их пьеса - и это обернулось двумя первыми квартирами.

«Ужасно, как мне не повезло...»

Меньше, чем через год после последнего новоселья Илья Ильф сгорел от туберкулеза. Он долго не хотел замечать болезни, но после поездки в Америку игнорировать беду стало нельзя: автомобильное путешествие по США окончательно подорвало его здоровье. Развязка приближалась стремительно, и в его записной книжке появились строки: *«Такой грозный ледяной весенний вечер, что холодно и страшно делается на душе. Ужасно, как мне не повезло...»*

На людях он держался бодро, улыбался, шутил, и Евгений Петров в апреле 1937 года, попросившись с другом на лестничной клетке писательского дома в Лаврушинском переулке, не догадывался, что в следующий раз увидит его во время предсмертной агонии. На поминках Петров держался мужественно и даже пытался острить, а потом не выдержал и сказал, что это и его похороны.

После смерти Ильфа у Петрова было несколько удачных лет: он много писал, работал в «Правде», руководил журналом «Огонек», а погиб, как многие, на войне. Но писатель «Ильфпетров» умер в 1937 году, и ничего равного ему Петрову написать не удалось, тут он оказался прав. Да и гибель его была странной - казалось, что соавтор поспешил вслед за опередившим его Ильфом.

Самолет, на котором Петров летел из осажденного Севастополя, разбился в степи. Что с ним случилось, так и осталось неясным: одни говорили, что он погиб из-за ошибки пилота, который спасался от «мессершмитта», другие - что летчик решил развлечься, разгоняя стадо коров, и зацепился

крылом за землю. Все 17 пассажиров остались живы, никто из них даже не был ранен, а Евгений Петров погиб...

Мария Ильф и Валентина Петрова жили памятью о былом, старыми письмами и фотографиями. Шли годы, менялись эпохи, за стенами дома в Лаврушинском текла совсем другая жизнь, но для них это не имело значения. Любовь оказалась сильнее обстоятельств, времени и места: то, что соединило их с мужьями, могла разрушить только смерть...

Литература:

1. **Ильф И. Петров Е.** Двенадцать стульев. - Краснодар: Изд-во Советская Кубань», 1992.-288с.

2. **Ильф И. Петров Е.** Золотой теленок. - Краснодар: Изд-во Советская Кубань», 1992.-288с.

Об авторах:

1. **Александров А.** Ильф и Петров: веселые новоселы// Караван историй. –2010 -№ 1.- Стр.192-199.

2. **Ардов М.** (Протоиерей). Легендарная Ордынка: Портреты. Воспоминания / Ардов Михаил; Ред. О. Новикова; Макет и худож. оформ. Д. Черногаева. - М.: БСГ-Пресс, 2001. - 527 с.: 16 л., ил., в пер.

3. Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове: Сборник. - М. : Сов. писатель, 1963. - 336 с. - Ор.47к., в пер.

4. **Залесский К.А.** Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва, Вече, 2000

5. История русской советской литературы: В 3-х т. Т.2 : 1929-1941/ АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. Л. И. Тимофеев, А. Г. Дементьев. - М. : Изд-во АН СССР, 1960. - 635с. : ил., в пер.

6. Русская литература XX века: Учеб. кн. для учащихся ст. кл. Ч.2 / Авт.- сост. Г.С. Меркин; Оформ. А. Макаренкова. - 2-е изд., доп. и испр. - М.: Скрин, 1995; Смоленск: Траст-Имаком. - 384 с., портр., в пер.

7. Русская советская сатирическая повесть : 20-е годы / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. С. Г. Боровиков; худож. М.З.Шлосберг. - М.: Сов. Россия, 1989. - 430с. - Примеч.: с.428-429., в пер.

8. Советские писатели: Автобиографии в 2-х т. Т.1 / Сост. Б. Я. Брайнина, Е.Ф.Никитина; оформ. худож. М.Шлосберга. - М.: Гослитиздат, 1959. - 703 с., с портр, в пер.

9. 100 портретов отечественных писателей и поэтов: Комплект 3-й: 25 портр.: ил. прил. к биогр. слов. "Писатели нашего детства": для шк. и б-к. / Отв. ред. Е. Селемнива. - М.: Либерия, 2001. - 50 с. (25 л. портр.)

10. **Уварова Е.Д.** Эстрадный театр: Миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917-1945) / Уварова Елизавета Дмитриевна; М-во культуры СССР; ВНИИ искусствознания. - М.: Искусство, 1983. - 320 с., ил. - имен. указ.: с.308-319, в пер.